

Письмо первое. ТРЕТЬЕГО НЕ ДАНО

Жизнь можно либо перетерпеть, либо скоротать

Жизнь, прямо скажем, предприятие не из лёгких. Не каждому по плечу. Даже самый звонкий, самый соприродный наш классик (к тому же и нобелевский лауреат!), непрерывно кающийся с самой искренней слезой, как ему стыдно быть столь нестерпимо счастливым, когда вокруг столько народу страдает, вдруг да и признался. Причем в стихах. Правда, не своими словами, а словами русской всесокрушительной, как водится, поговорки: жизнь, мол, прожить – не поле перейти. Эва! Буквально челюсти сводит от такого признания. Уж ежели безоблачному гению от этой жизни не по себе, что ж нам-то, смертным, делать?

Но – вернёмся к предмету разговора. По-настоящему – без дураков – имеют отношение к жизни всего-навсего два глагола: перетерпеть и скоротать. Вот по их принятию или, напротив, отторжению, как на инь и янь, и распадается всё человечество, являя два типа личности: одни жизнь терпят, другие коротают. И третьего здесь не дано.

Из человеческого терпения родилось много чего. Во-первых, вера. С верой терпеть веселее, потому как всегда в коллективе. Даже ежели один, как перст, в пустыне – всё равно не один, а с Богом. Да и смысл появляется: не зря, мол, терпим. Испытание. Земной путь. В общем, что бы ни делал и как бы себя при этом ни вёл, всё при деле. Во-вторых, любовь к поискам истины – это когда смысл не даётся сразу в виде откровения из горящего куста, а ищется собственным интеллектуальным усилием. Но терпеливо. Последовательно. С трудами классиков в руках. Путём настойчивого вгрызания и постоянного размышления. Тоже неплохо. И вполне утешительно.

Правда, есть одна закавыка. Из собственного жизненного опыта даже распоследний олигофрен знает, что гладко и без досадных срывов ничего у нас на земле не происходит. И в этом насущном вопросе тоже: среди мужественных добровольцев, по собственной воле претерпевающих жизнь, есть, конечно, и те, кого втянули в этот процесс без какого-либо спроса. Они-то, увы, и составляют основную массу. Им, бедолагам, просто деваться некуда. И хотели бы по-другому, а не выходит. Остаётся только терпеть. Порой без веры, чаще без поисков истины, может, даже и на помойке. А чего? Господь терпел и нам велел. На помойке – не на кресте. И притом – всюду жизнь.

Общество потребления претерпевающих жизнь называет по-разному тех, кто и на этой трудной стезе достиг пика популярности (типа Иисус Христос – суперзвезда), – святыми, пророками; тех, кто пробавляется премиями и грантами, – учеными, ботаниками; – ну а тех, кто терпит не по своей воле, ясное дело, неудачниками, лузерами. И это самое обидное и нестерпимое. У неудачников, если они не согласны с таким сторонним позиционированием, два выхода: или выбиваться в те, кто жизнь коротает, или изображать из себя принципиально претерпевающих. Оба пути трудны и чреватые. Но другого на этом свете, опять же, – не дано.

Теперь о тех, кто жизнь коротает. У которых ресурсов куры не клюют. Которым всё известно, которые всё перепробовали, которым всё обрыдло и которым скучно. Вот для них, бедненьких, и создано общество потребления с его индустрией развлечений, где тебе предложат всё, что захочешь, и на любой вкус. И смысл, мол, в том, чтобы заработать как можно больше, а дальше коротать на всю катушку. А иначе что? Одни с клубом «Челси» коротают, а другие в подворотне с рваным презервативом в кармане –

так, что ли? Нет, так не пойдёт. И не для того демократия придумана. А придумана она для того, чтобы число коротающих подавляюще превышало число претерпевающих. Коротать надо качественно, это ещё римские патриции знали, а круглосуточный беспорядочный секс – это для плебса.

Тех, кто жизнь коротает, уважительно называют успешными людьми. Это за ними гоняются папарацци, это их истории вдумчивыми взвешенными голосами пересказывают уважаемые пожилые телеведущие, это для них созданы гляцевые журналы, показы высокой моды и актуальный дизайн, это для них гранят бриллианты и недавно пел Лучано Паваротти, это для них занавешены окна в казино и крутится изумительной точности юная плоть вокруг стриптизной палки. Это им завидуют честолюбивые массы менеджеров младшего и среднего звена, которые страстно жаждут стать великими коротателями жизни, и даже потихоньку уже сами коротают, но не так качественно, как им хотелось бы...

И вряд ли кто из современных коротателей оставил бы это занятие, как в своё время оставил его Гаутама Сиддхарта. Чтобы дальше не только перетерпеть жизнь, но и освободиться от её пут. Дураков нынче нет. Вот так повернулось время. К комфорту передом, к поискам истины задом. А чего её искать-то? От неё ведь одна депрессия и никакого покупательского спроса.

Елена Елагина, Санкт-Петербург

Ответ первый. ДЕЛЕНИЕ С ОСТАТКОМ

Вот так еще можно разделить людей по отношению к жизни. На тех, кто решил её, жизнь, перетерпеть, и тех, кто нацелился её скоротать. Вот такое деление. Ничем не хуже любого другого. При этом предупреждение – третьего не дано.

Соблазн разделить людей на две части (равные или не равные – не так уж важно) всегда очень велик. И мы делим: на своих и чужих, на худых и толстых, на мужчин и женщин, на гетеро- и гомо-, на актеров и зрителей, на профессоров и студентов, на автомобилистов и пешеходов, на интеллигенцию и народ... Делим быстро, непроизвольно, почти бессознательно, отбрасывая плоскую мысль, что производим сильное упрощение, что «жизнь сложнее схемы» (хотя и схемы бывают – ой-йо-ёй). Ну а что делать. Без схем невозможен любезный нам анализ, а без него не справиться с клубящимся вокруг хаосом. Нас не смущает, что ежесекундно мы сами переходим из одного отделения в другое, из одного класса в другой. Иногда добровольно. А чаще – кто-то берёт за руку и переводит, нас не спросив. Все ведь только и занимаются этим делением. Вот едет автобус из пригородной клиники, везёт к электричке уставших врачей и мрачных пациентов. На выходе врача в дублёнке нетерпеливо толкает в спину замешкавшегося дяденьку: «Больной, вы выходите, или что?» – «Сама ты больная», – огрызается дядька вполне добродушно. Сейчас они сядут в электричку и станут пассажирами, а по вагонам пойдут контролёры. Так что без этих перетекающих друг в друга схем нам не прожить, поскольку они есть инструмент познания. Да, иногда инструмент, а порой и результат (всё страшно двоится в этом мире – то частица становится волной, то волна прикидывается частицей), смотря по тому, в каком месте остановиться. И не говорите мне, что божь в вязаной шапочке с надписью «Вперёд, Россия» такими глупостями не занимается. Прекрасно он занимается и распределяет публику по удобным ячейкам, иначе зачем он интересуются так настойчиво вашим к нему уважением. Ему важно знать, куда вас отнести – к нормальным пацанам или к надутым козлам из мерса, обдавшего его давеча грязью.

Итак, терпеть или коротать? Третьего-то не дано. Деление без остатка. «Позвольте-позвольте, – кричит некто несогласный (ему лишь бы что-нибудь поперёк сказать), – о чём вы говорите? Как это так – не дано? Вот я вам приведу пример, который не укладыва-

ется...» И приводит примеры. Но с этими примерами дело обстоит как с толкованиями сновидений у доктора З. Ф.: «Итак, вам снилась тёмная прихожая, и в ней огромное старинное зеркало. Так? Зеркало большое, вытянуто в длину. Я вас правильно понял? Вот видите, с вами всё ясно, милая девушка, ваши подавленные желания предстают как на ладони...» То есть всё замечательно укладывается. На то она и схема. Здесь обрежем, там растянем. Прокруст улыбается снисходительно.

Так что соглашайтесь добровольно быть отнесёнными к классу терпеливцев, смиренно переносящих эту тяжкую болезнь (не нами замечено, чем она обычно заканчивается). Появится шанс попасть в пророки, учёные, музыканты, поэты, писатели (один из них даже заметил: когда пишешь – не так страшно). Одним словом, в личности творческие, которые, как это ни странно, ну... не то что бы уважаются качественными коротателями жизни (о них далее), но все-таки коротатели на них посматривают, посматривают, иногда даже почитывают, – правда, быстро отбрасывают. Что касается неудачников и лузеров, попавших в отделение терпящих по принудительному распределению, то чувство собственной маргинальности – состояние внутреннее («это как посмотреть», – резонно заметил бомж с надписью на шапочке) и зависит от количества эндорфинов в крови. Кажется, уже приготовлены инъекции (не то, что вы думаете, никакого привыкания, минздрав проводит испытания) с этими спасительными веществами. Ну, это – для очень тяжелых случаев самопознания.

И всё-таки терпеть, терпеть... и общаться только с терпящими наше общее бедствие, уныло и терпеливо, сжав зубы, искать вместе с ними дурацкую истину? Ну, как-то не очень...А ну как терпение лопнет. Ведь как только скажут: «терпение», так тут же этот глагол и выскакивает. Бабушка, помнится, так и говорила: «С тобой всякое терпение лопнет».

Ну хорошо, а заглянем в другой класс. Как там эти потребители гламура? Заходим, как будто свои. Видим: сидят избранники демократии в крутом шоколаде, коротают нашу единственную (хотя – чего её коротать? – она и так короткая). Причём коротают «качественно». У них там цитры, звуки чудных песен, цветные струи шампанских фонтанов, на гладкой волне качаются яхты, над головой небеса неаполитанской синевы, под рукой юная плоть и столы с яствами. Круглые сутки. Из года в год. И вдруг один вскакивает и вскрикивает: «Уйдите все, заткнитесь, уберите от меня эту мерзкую плоть, меня от вас тошнит». И, вытянув руки, бежит прочь и рыдает. Безумец, конечно, но его действительно тошнит. Душераздирающее зрелище. Все в недоумении. Мы тихонечко выскальзываем из класса.

Неужели нет выхода? А что, если как-то проскочить между шампанских струй и выскочить на свободу? Может быть, все-таки деление было с остатком. Ну пусть – с небольшим. Нам много не надо. Уйдём туда, мой друг, в этот остаток. Служенье Муз чего-то там не терпит. Сядем на берегу. Откроем бутылку вина. Разрежем яблоко. Волны будут набегать по две. Как всегда.

Людмила Агеева, Мюнхен